

SŁOWIANIE W PRZESTRZENI CHRZEŚCIJAŃSTWA

DOI 10.4467/25439561KSR.17.007.7877

НАТАЛИЯ НАРОЧНИЦКАЯ
Фонд исторической перспективы
Москва

ЕВРОПА: НА ПОРОГЕ НЕОТВРАТИМЫХ ПЕРЕМЕН

EUROPE: ON THE VERGE
OF IRREVERSIBLE TRANSFORMATIONS

Streszczenie

Problem „Rosja i Europa” należy do tzw. odwiecznych problemów, interesuje się nim nie tylko Rosja. W dzisiejszym szybko zmieniającym się świecie stosunki Rosji i Europy, a także wzajemne zrozumienie mają kluczowe znaczenie dla przyszłości polityki światowej. Czym jest Europa? To romano-germańska kultura, w której człowiek uosabia powinność i honor w walce dobra i zła? Czy może są to „prawa człowieka”, system, w którym wzgardliwa i chłodna sentencja Poncjusza Piłata: „co to jest prawda?” stanowi dewizę współczesnej libertariańskiej filozofii. Nihilizm w odniesieniu do wartości oznacza koniec historii. Dlatego Europa przeżywa koniec historii rozumianej jako rozwój duchowy. Pozostała technokratyczna cywilizacja. Dzisiaj technokracja jest bezbronna wobec migrantów nie dlatego, że jest ich dużo i że są inni, a dlatego, że jest wyzuta ze świętości.

Abstract

The problem of “Russia and Europe” is one of the so-called eternal problems and not only Russia is interested in it. In today’s fast-evolving world relations between Russia and Europe and mutual understanding are crucial for the future of world politics. What is Europe? Is it

a Roman-German culture in which man embodies duty and honor in the struggle of good and evil? Or maybe it is “human rights” – a system in which the contemptuous and cold sentence of Pontius Pilate: “What is truth?” is the motto of modern libertarian philosophy. Nihilism in terms of value means the end of history. That is why Europe is experiencing the end of history understood as spiritual development. The remaining technocratic civilization. Today technocracy is defenseless against migrants not because there are many of them and they are different, but due to the fact that they are devoid of holiness.

Słowa kluczowe: przyszłość Rosji, przyszłość Europy, historyczna perspektywa
Key words: Russia’s future, Europe’s future, historical perspective

Размышления о Европе неотделимы от почти двухвековой дилеммы «Россия и Европа». В центре внимания крупнейших умов России эта дилемма оказывалась при переходе в каждый новый век: так было и при переходе из XIX века в XX век. Вспомним, сколько было дискуссий на эту тему, правда очень примитивных и категоричных, в 90-е годы, что меня навело на мысль тогда сравнить русское западничество и славянофильство XIX века с достаточно убогим, сермяжным славянофильством сегодняшних изоляционистов и таких же упрямых, категоричных и ничего не знающих о Западе, кроме банковской системы, западников. В XIX веке западничество и славянофильство при глубоком рассмотрении не были полными антитезами, это были две богатые стороны русского сознания. Алексей Хомяков, Иван Киреевский, которые считаются родоначальниками славянофильства, были одними из самых образованных людей своего времени. Они не только свободно дискутировали на немецком, французском, английском языках, но сравнивали и корректировали переводы с древнегреческого языка, латыни. В своем известном письме редактору французского журнала Хомяков разбирает перевод послания апостола Павла на немецкий язык, сделанный одним пастором, и замечает: как же он мог использовать этот термин? Если на арамейском это так, на древнегреческом – так, в латыни было вот так, то сразу же видно, что здесь два смысла, и он должен был использовать не этот, а другой. И как наши западники, в основном экономисты, могли понять, откуда идут корни великой европейской культуры, которая всегда для русского сознания имела огромное обаяние, и отрицать это невозможно и не нужно?

На всем протяжении своей истории, от Московии до Великой России и в XX веке до коммунистической СССР, это явление, независимо от наличия реальных внешнеполитических и геополитических противоречий между Россией как государством, а не как субцивилизацией, и другими государствами, всё равно сопровождалось заинтересованной ревностью особого характера, которая свойственна разошедшимся членам некогда одной семьи. Под великой западноевропейской культурой я понимаю не только литературу и искусство, но и всё, что

человек делает на земле, исходя из определенного логического ряда ценностей и отвечая на вопросы: что есть человек, что есть Бог, что есть тварный мир, каковы задачи и цели существования человека на земле, за что он будет судим. Надо сказать, что эти принципы были совершенно одинаковы для православной ойкумены и для латинского Запада, в обеих частях этого общехристианского мира, о котором мы скорее знаем по противоречиям и соперничеству, а на самом деле люди давали одинаковый ответ. И сегодня, принимая во внимание недавнюю встречу Патриарха и Папы и исходя из своего опыта общения с европейскими консерваторами, могу сказать, что у меня с моими коллегами-консерваторами нет дилеммы «Россия и Европа». Мы удручены одними и теми же явлениями, нас вдохновляют одни и те же импульсы по сохранению своих христианских корней. Неслучайно эта дилемма продолжается уже не одно столетие.

Так никто и не может дать ответ на вопрос, принадлежит ли Россия к европейской цивилизации. На мой взгляд, мы принадлежим к общехристианской цивилизации. Европейские консерваторы это признают. Но Россия – это, безусловно, особая субцивилизация, которая постоянно воспроизводит и то, что нас с Западом объединяет, и то, что нас отличает. И я думаю, что так будет всегда. Поэтому было бы лучше, если бы Европа признала нас такими, какие мы есть, потому что ни та, ни другая история, особенно история реализации христианских заповедей на земле, в государственном строительстве, не дает полного ответа, и только вместе мы даем полноту человеческого опыта на земле в общехристианском смысле. Жак Ле Гофф, один из крупных представителей Школы «Анналов», прямо писал: «...то, что ныне предстоит осуществить европейцам Востока и Запада, заключается в объединении обеих половин, вышедших из общего, я бы сказал, братского наследия единой цивилизации, уважающей порожденные историей различия»¹. Когда читаешь его работу *Цивилизация средневекового запада*, понимаешь, что в Средние века на смертном одре рыцари и короли так боялись страшного суда, что принимали монашество, отрекались от всего своего богатства, вся жизнь была построена вокруг годичной литургической системы – от Рождества к Пасхе, вокруг жития святых и так далее.

Европа по-настоящему отделилась от нас с эпохи Просвещения. Просвещение, которое дало всплеск возрождения культуры, на самом деле, как пишут религиозные философы, сначала поставило знак равенства между человеком и Богом. Богоподобие преобразовалось в богоравность, а потом человек, наоборот, встал над Богом, уничтожив Бога в душе, в своем сердце. Все замечательные, но перекодированные в земные критерии духовные тезисы, поиски человека привели к приземлению, которое мы неизбежно видим. Возрождение

---

¹ Ж. ле Гофф, *Цивилизация средневекового запада*, http://modernlib.ru/books/le_goff_zhak/civilizaciya_srednevekovogo_zapada/read, дост. 11.09.2017.

воспевало человека, его силу. Великие литературные произведения показывали нам героизм. Ведь в западноевропейской культуре, романтической литературе вера, Отечество, честь, долг, любовь были выше жизни, несмотря на высокопарный стиль аристократической культуры – «честь дороже жизни» маркиза де Поза в «Дон Карлосе». В русской сказке Иван, крестьянский сын, когда делал нравственный выбор, говорил: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать». То есть философски это то же самое. Когда встает выбор, крестьянин простым языком и аристократ высокими словами говорят, что надо поступить так, «как долг велит», как шекспировская Карделия. Но Шекспир – гений, и он сделал так, что Карделия с этими принципами умирает.

Отношение Европы к России изначально было отмечено скепсисом, недоверием ко всему отличному. Евроцентричность европейского сознания – это, безусловно, характерная черта, которая не исчезает. Все, что не является Западом или не представляет особого интереса, принимается лишь в том случае, если незападная страна хочет стать похожей на западную. Сегодня нервическое отношение к дилемме «Россия и Европа» совершенно не изжито Западом. Мне часто в международных дискуссиях предлагают эту тему, на что я отвечаю: Одно то, что Вы так ставите вопрос, говорит о том, что Вы нервически относитесь к этой теме. Вы же не предлагаете эту тему китайцу, вы спокойно относитесь к тому, что китайская цивилизация – это другая цивилизация. Вы намерены иметь с ней хорошие отношения, уважая различия, изучая конфуцианство, китайское искусство. А также с арабами, с которыми Вы граничите и которые Вас наводнили. Арабское завоевание Европы внесло свои культурные акценты в архитектуру, мавританский стиль. Здесь же Вы не ставите такую дилемму. Но почему-то только Россия вызывает нервическое отношение. А именно потому, что мы являемся двумя сторонами одного целого, но каждая со своими особенностями.

Что есть Европа сейчас? Это ли романо-германская культура, где человек – это воплощенный долг в борьбе добра и зла? Или это доктрина «прав человека», система, где презрительная и теплохладная сентенция Понтия Пилата «что есть истина?» стала девизом современной либертариистской философии? Когда спаситель сказал: «Я затем пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине», – Понтий Пилат, презрительно пожав плечами, спросил: «Что есть истина?» Я иногда провоцирую своих оппонентов, они, не зная, что это слова Понтия Пилата, говорят: «А что есть истина?» Но тут я их ловлю: Вот видите, спор этот продолжается 2000 лет.

Что есть Европа? Европа – это не только латинская Европа, Европа – это и православный опыт поствизантийского пространства. Вдумчивые исследователи на Западе никогда не считали Россию Азией. Азия ведь тоже разная. Это ведь и ислам, и пантеистический Восток. Сейчас всё окрашено чудовищными явлениями, которые мы наблюдаем. Но арабский халифат был выше по культуре,

чем тогдашний средневековый Запад. Когда арабы завоевали всю Южную Европу и Испанию, они были выше по культуре, философии, по мысли, по изощренности искусства, архитектуры. Европейцы мылись тогда два раза в жизни: первый раз человека мыли, по образному выражению Ивана Солоневича из книги *Народная монархия*, «когда он рождался из утробы матери», а второй раз при положении во гроб. Княжна Анна, дочь Ярослава Мудрого, выданная за французского короля, до конца своей жизни оставалась единственной персоной при дворе, которая умела читать и писать. Король ставил крестик в качестве подписи, а она подписывалась по латыни «Анна», могла читать по-гречески и по церковно-славянски.

Что является основой европейской цивилизации? Что отличает дискурс XIX века, если брать европейскую мысль, от дискурса сегодняшнего? Он велся на основании духовных критериев. Сегодня – это идея прав человека. Цивилизация, на мой взгляд, определяется не тем, что написано в Конституции. Ведь демократические постулаты записаны в индийской Конституции, во многих африканских странах, в некоторых арабских, они были и в египетской Конституции. Тем не менее мы же не скажем, что Индия и Франция – это страны, принадлежащие к одной цивилизации. Значит, цивилизация – это другое, это ответ человека на вопросы: что есть жизнь? что есть человек? конечна ли его жизнь? что будет после смерти? И по-разному отвечая на эти вопросы, люди создали разную этику взаимоотношений между мужчиной и женщиной, человеком и братьями, между человеком и властью. Отсюда разные системы права, потому что прежде чем сформировались юридические постулаты и были записаны в нормы, люди следовали канону, который позднее превратился в закон.

Канон поведения диктовался людям во всех цивилизациях изначально тем, как они читали его из истинного или мыслимого откровения. Для того чтобы определить меру вины и меру наказания сначала надо считать поступок плохим, нарушающим правила. А он трактуется совершенно по-разному в разных культурах. Слово отца на Ближнем Востоке в какой-нибудь глубинке гораздо выше, чем слово закона. Это для историков понятно. В Греции была написана докторская диссертация по «Антигоне» Софокла. Антигона отказывается выполнить требование закона, потому что он нарушает канон поведения, заповеданный богами, и погибает. Бердяев в своих рассуждениях о России часто подчеркивал, что «русская идея» – это вовсе не идея цветущей культуры и могущественного царства, это эсхатологическая идея царства Божьего в его причудливой интерпретации людьми, которые совершают массу грехов, но переживают из-за того, что они грешны. Пока человек переживает из-за этого, значит, ничего не потеряно: сам принцип разделения добра и зла сохраняется.

Как отмечают крупнейшие интеллектуалы, сегодня на Западе стирается грань между грехом и добродетелью. Ценностный нигилизм приводит к тому, что перестает считаться грехом то, что еще 50 лет назад считалось таковым, про-

исходит воспевание неограниченной свободы. И человек, его личные физиологические потребности признаются мерилем правильности, чего никогда не было раньше. Физическая жизнь человека становится высшей ценностью. Происходит перекодирование христианского понятия о бесценности и неповторимости человеческой жизни, которая стоит дороже любой материальной, рукотворной вещи. Так, если в пожаре погибает самый последний человек и «Сикстинская мадонна» Рафаэля, то христианину надо спасать этого последнего человека. А судить этого человека за то, что он плохой, будут потом, поскольку в момент пожара он был просто человеком перед лицом Бога. Этого ничего сейчас нет. При этом догматизм, нетерпимость к инакомыслию, к иной системе философских ценностей, которые потом рожают иную интерпретацию событий, переключались в западные научные круги, так что диву даешься: как будто ты это уже когда-то видел.

История взаимоотношений России и Европы – это история постоянного накопления в русском сознании раздражения своей особенностью. Разделил нас вольтерьянский хохот. На пороге XX столетия, когда персонажи Золя уже вытесняли героев Шиллера и Э. Ростана, православная Россия действительно уже имела немного общего с той западной цивилизацией, что опиралась на рационалистическую философию Декарта, идеи Французской революции и протестантскую этику в отношении к труду и богатству. Если вы читаете «Сирано де Бержерак» Эдмона Ростана, то обнаружите в пьесе и глубокие христианские корни, и указание на вдохновляющую жертву Спасителя. Это русскому человеку всегда было понятно: героизм, стремление отдать жизнь за честь, долг, любовь, самопожертвование, готовность взойти на эшафот. Но человек грешен и слаб, и Европа отступала от христианства по-своему, а русские по-своему. И те, и другие оказались в XX веке в тупике, потому что символом «апостасии» (отступления от Бога) Запада является гетевский Фауст – воплощение скепсиса горделивого западного ума, не терпящего над собой никакого судии, Иван Карамзов – дерзкий вызов Богу русской гордыни, отвергающей идею милостивого и милосердного Бога из-за попущения зла на земле («Не бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю»). Но и то, и другое оказывается к концу XX века в глубокой философской яме. Горделивый западный ум и дерзкий вызов богу русской гордыни – мы по-разному бога воплощали в нашей жизни и по-разному отступили. Но плачевный итог был и там, и там.

Российские большевики считали себя истинными наследниками французской революции с робеспьеровским террором. Они впервые ввели термин «революционный террор», то есть устрашение: не надо искать вину у враждебного класса, следует просто подсчитать, сколько надо уничтожить, чтобы он не мешал, не был препятствием для реализации доктрины ради счастья всего человечества. Там были общества друзей человечества и так далее. Это было практически полностью повторено в теории революционной законности Петра Стучки

весной 1917 года. Как некоторые шутили, Сталин и Вышинский – буржуазные ренегаты, они отступили от теории революционной законности, ввели такие архаичные понятия, как «мера вины» и «мера наказания», правда с принципом Торквемады: не обвинение должно доказывать вину обвиняемого, а наоборот, то есть презумпции невиновности не было.

Европейцы ужаснулись тому, что происходило в России в 1920-е годы. Они упорно продолжали усматривать истоки большевизма даже не у Петра Великого, не у Робеспьера с гильотиной, даже не у таких бунтарей с социалистическими, тоталитарными замашками, как Иоанн Лейденский и Томас Мюнцер, а у Чингисхана. «Марш Буденного – это продолжение Чингисхана» – можно было прочесть на Западе в 20-е годы. То есть всё, что было неприемлемым для западного либерала, уже обладающего защищенностью в своей жизни в виде законов, все равно записывалось не как заимствованное из Запада, но реализованное с русским максимализмом на русской почве, а как имманентно присущее именно России и русским.

В XXI веке дилемма «Россия и Европа» органично вошла в новую великую схизму эпохи модерна и постмодерна. И опять-таки соперничают идеи, вышедшие из одного родового гнезда – из Просвещения. Коммунизм и либерализм, соперничавшие в XX веке, – это кузены, которые выросли из философии прогресса. И тому, и другому свойственно отождествление своих принципов, постулатов, своих целей с общемировыми. То есть появляется очень большой универсалистский замах, который делает противника твоих идей не просто личным противником или противником твоего государства, а противником целого света. Перед нами манихейское деление мира на воплощенное зло и воплощенное добро.

Постсоветская интеллигенция, прошедшая через 75 лет принудительного атеизма, поражена неожиданной для нее левизне и атеизму французского интеллектуального сообщества. Французская революция сделала немало во Франции. На экскурсии по замкам Франции нам рассказывают: «Здесь стоит домовая церковь, разрушенная якобинцами и восстановленная лишь в конце XIX века. На кладбище были сбиты кресты со всех надгробий». То же самое было и у нас после 1917 года. Папский дворец в Авиньоне: якобинцы ободрали все фрески и размолотили на кусочки. Хотя великие культурные достижения Европы имеют огромную инерцию, на наш век ее хватит. Инерция хорошего превышает инерцию плохого, но разрушение тем не менее идет. И об этом вовсю кричат европейские консерваторы.

Русские всегда были хорошо знакомы с великой европейской культурой, произведения Шиллера еще при его жизни переводились Жуковским. Русский интеллигент XIX-XX века, который был очарован улыбкой Джоконды, шекспировскими страстями, блеском Декартовой логики, жаждой познания Гёте, пал перед триадой «свобода, равенство, братство» на колени. Если бы он сегодня

приехал на Запад, то увидел бы в третьем тысячелетии помимо прекрасных поместий, соборов, кабалистические прайс-листы, интернет и «Царство банка» Жака Аттали. Жак Аттали был президентом Европейского банка реконструкции и развития. У него есть доктрина периодов человеческой истории, в соответствии с которой в начале XX века было Царство храма, в середине XX века – Царство дворца, а потом – Царство банка. Таким образом, сейчас исчезает понятие должного, а остается на счетах только понятие правильного и нужного. Государство все-таки должно задуматься о том, что праведно и должно, а не только о том, что нужно практически, иначе не для кого будет делать эти практические вещи.

Конечно, Евросоюз территориально вырос. «Старая Европа», безусловно, утрачивает свой духовный импульс. Конституция Евросоюза – это же скучнейший образчик либерального Госплана: там предписано всё, унифицированы стандарты стиральных машин и так далее. Еще в начале XX века немецкий философ Карл Шмитт с сарказмом предсказывал схожесть марковского и либерального экономического демонизма. По его мнению картины мира промышленного предпринимателя и пролетария похожи как братья-близнецы. Это тот же идеал, что у Ленина – «электрификация» всей земли. Спор между ними ведется только о методе. «Священные коровы» либертаризма XXI века: «права человека», «свобода», «демократия», – это лишь возможности для реализации ценностей. Так для чего же Европе нужна свобода? Чингисхан следующим образом определял величайшее счастье и свободу: гнать перед собой врагов, грабить их имущество и любоваться слезами своих врагов, целуя их жен и дочерей. Или, как в Нагорной проповеди, «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф. 5, 6)? Или вернуться на свою звездную родину, как у Платона? Или для того чтобы уравнивать порок и добродетель, добро и зло?

Сегодняшний мир Европы поражает своим нравственным релятивизмом: всё относительно, человек сам себе назначает систему ценностей, он мерило всего, он должен быть свободен от любого порядка вещей – национального, религиозного, государственного и теперь уже биологического, то есть он имеет право бунтовать против своей богом данной природы. И выступают за это вовсе не те, кому это было бы важно, потому что они сами имеют какие-то необычные склонности. Политический гомосексуализм – это воинствующая либертаристская идеология ниспровержения всех предыдущих ценностей.

Ценностный нигилизм – это и есть конец истории. Почему для Европы заканчивается эпоха культуры как порождения духа? Потому что остается технократическая цивилизация. Это уже не тот метафизический «Рим», в котором совершалось великое противостояние добра и зла, это уже Рим языческий. И проявление технократической цивилизации – это панический страх перед физическим несовершенством и смертью. Люди готовы чем угодно пожертвовать,

чтобы убрать морщинки, иногда они доводят себя до смерти, чтобы физически быть похожими на кумиров, созданных средствами массовой информации. Это язычество. Так, в Спарте убивали слабых, родившихся с физическими недостатками младенцев.

Посмотрите, как изменилась современная живопись – ведется поиск формы, нет больше содержания. На западе христианская культура дала колоссальный пример достижения; буквально во всех сферах и везде поражает философская цельность и единство. То есть везде добро и зло: в архитектуре есть красота и уродство, симметрия, в музыке гармония или какофония и т.д. Но отрицание всего ведет в итоге к отрицанию этой разницы между добром и злом, правдой и ложью, а это и есть корень христианского отношения. Провозвестником такого релятивизма был Понтий Пилат, который сказал: «Что есть истина? Ее нет».

Сегодня мы видим и нетерпимость, и нравственный релятивизм, тотальный нигилизм ко всему русскому со стороны постсоветских западников, но не сегодняшних. Сейчас как раз наблюдается всплеск интереса, и все опросы показывают, что в целом в российском социуме сформировался консенсус относительно того, что самобытность России это не недостаток, а ценность, поэтому не надо ее стесняться, что вовсе не означает пренебрежительного отношения к иному. На мой взгляд, вообще любое утверждение собственного «Я» не должно означать отрицание Другого, нелюбовь к Другому. Также и национальное чувство: оно только тогда суть побуждение к творчеству, когда оно любовь к своему, но и не ненависть к другому: именно такой человек знает, за что он, а не только против кого он.

Теория догоняющей модернизации отвергнута в новейших западных теориях, потому что она консервирует собственную отсталость. Национальные культуры сегодня повсеместно перемальвают капитализм. Развиваясь семимильными шагами, Китай, Индия уже не свернут с этого пути. Но заимствуя западные технологии, они бережно трансформируют их на своей почве, применяя так, чтобы сохранить смыслообразующее ядро собственной национальной жизни и тех побуждений, которые эта жизнь дает. Развитие этих стран опровергает примитивный тезис 90-х годов о том, что только тотальная вестернизация может привести к модернизации. Так, незавершенная модернизация в Египте потерпела крах, и из глубинки вырвались силы, которые грозят отбросить Ближний Восток не только к Средним векам, а вообще к первому периоду становления мусульманской системы.

Философия либертаризма, идеологема «права человека и земная жизнь как высшая ценность» – это новый «коммунистический манифест» апостасии XXI века. Причем две левые идеи – воинствующий коммунизм и воинствующий либертаризм, давая ответ, что есть главная движущая сила истории, отрицают нацию и национальное государство как таковое. У коммунизма это класс, то есть

транснациональные общности. А у нынешнего либертаризма – это индивид, гражданин мира, который вправе ненавидеть собственное государство и бороться против него где угодно. Это мне было всегда совершенно чуждо. Я была в оппозиции к тому, что у нас происходило в 90-е годы. И хотя в первые же дни переворота я сказала: «Туда им и дорога, марксизм перестал быть инструментом развития. Но держава причем? Ее же не в 1917 году собирали! Вы нам предлагаете заплатить за «тоталитаризм» тремястами годами русской истории? Что теперь Потемкин не Таврический, Румянцева не Задунайский, Муравьев не Карский, Суворов не Рымникский? Где теперь Кючук-Кайнарджийский мир, где Полтава? Мы что, сбрасываем отеческие гробы не только советской, но и русской истории?» Тогда это было очень остро, и вульгарно-западнические идеи одурманивали сознание общества.

«Миром правит Бог, чего же вмешиваться», – Иван Ильин писал о том, что русский народ, избрав на царствие новую династию Романовых самым демократическим способом, какой в начале XVII века мог только быть, удалился от управления государством, чего же вмешиваться. Но когда происходила попытка сверху навязать изменение веры, как трактовали раскол в свое время, это было настолько важно для русских людей, что тогда мы действительно видели раскол нации и гражданское неповиновение вплоть до саможжения. Конечно, если бы наш народ так реагировал на какие-то реальные вещи, придуманные государством, то нас бы, наверное, не считали варварами.

Человек в Европе тоже был таким же, не надо их демонизировать. Войны между католиками и протестантами унесли, между прочим, треть населения Центральной Европы. Нам сегодня знакома жестокость противостояния между однородными, но разноверными народами по истории сербо-хорватского конфликта, бойне, которую хорваты учиняли над сербами, которые носили те же имена и говорили на том же языке. Также можно привести в пример то, что сегодня происходит на Украине. Это Каинова ревность: «Если бы москаль не превратились бы в столь огромную, мощную державу, украв у нас и софийские ризы, и киевскую историю, то мы бы стали тем, чем стала Россия». В этом желании переименовать Украину в Россию они опираются на польскую теорию Францишека Духинского. В Европе во время религиозных войн был лозунг: «Убивайте их всех, господь сам потом разберет своих и чужих». Поэтому не надо удивляться ИГИЛ, потому что там точно такая же философия, а именно: «Убивайте всех подряд, если же человек невиновен, то Господь его все равно в рай заберет». Себя рассматривать как инструмент и орудие Бога – это страшная человеческая гордыня, которая подлинному христианину, конечно, не может быть свойственна. Поэтому этот ценностный нигилизм проявляет знакомые черты тоталитарной нетерпимости и дерзко наступает на самую основу демократии – свободу совести и слова. А табу, практически наложенное на дискуссии,

мне напоминает то, что было в моей юности. Они наступают сейчас на самые основы демократии, потому что свобода слова и нетерпимость к иной системе ценностей, которая априори признается варварской и которую надо обязательно преодолеть и присоединить в своей системе, вызывает сожаление. Идеалом такого общества является гражданин мира, который, безусловно, живет хлебом единым в гедонистическом рабстве плоти и гордыне.

Вообще человек и гуманизм были там, где дух выше плоти. Человек тем и отличался от животного, что он мог управлять своей плотью, мог подавить ее, мог не есть, когда нужно было дух свой сохранить, он мог пережить страшные страдания, мог отдать кому-нибудь всё, что ему принадлежит ради спасения жизни. Ни одно животное так не поступало. И даже малая птичка бросается грудью на коршуна, чтобы защитить своих птенцов. Если нет таких ценностей выше физической жизни, то тогда нет человеческой культуры: брат не заступится за брата, муж отдаст жену насильнику, армия не будет защищать свое Отечество. Ничего не будет, ничего того, что изначально, со времен зарождения человеческой истории до сегодняшнего дня, родило – и Францию, и Россию, и ту же Америку.

Ценность исторического наследия меркнет перед технократической целесообразностью. Для гигантского киборга нет разницы между микрочипом и Платоном, Коперником и Шекспиром, Гете и Достоевским. И в этом проекте равномерного пространства нет места не только России, славянству, но и великой европейской культуре. Первой жертвой культурной стерилизации падут малые народы и страны, наивно усматривающие врага в России. Поляки единственные сопротивляются. И хоть отношения особенно с русофобской верхушкой у нас не слишком хорошие, мы, русские консерваторы, рукоплескали полякам, которые попытались вставить в европейскую Конституцию ссылку на христианские ценности как основу европейской идентичности. Но ничего этого нет в европейской Конституции. Есть демократия, права человека и свобода. А для чего нужна эта свобода? Если нет философского ряда системы ценностей, то вы не определите, что это такое. Человек, «Я» существует только потому, что есть «не-Я». То, что не имеет границ, не имеет определения, оно растворяется. Зачем тогда монологи Макбета и Гамлета, героев Шиллера и Ивана, крестьянского сына, если нет этой грани, которую нельзя переступить? Именно мучаясь соблазном зла, человек понимал, что он преступает эту грань, и мучился перед этим. Это мучение и породило великую европейскую и русскую литературу. Нравственный узел всегда был стержнем европейской культуры, но не сегодня, когда мы наблюдаем поиск формы. Поэтому фольклор и то, что считается элитарным и понятным завсегда таям божественных, экспериментальных кружков, не находят ничего общего между собой. Где хорошо, там и Отечество.

Если единая Европа продолжит свой путь в этот постмодернистский конец истории и истории безнравственного целеполагания, то в нем очень неза-

видна судьба не только тех, кто примкнул туда: славян с их чудными языками, традициями, фольклором, исканиями, выстаиванием, с одной стороны, между монголами и турками, а с другой стороны, тевтонами. Тем не менее я сохраняю веру в свою любимую Европу и считаю себя ее частью, но дилемма «Россия и Европа» имеет сейчас совершенно другое измерение. Это Европа, ищущая свои христианские корни и сохраняющая их, против Европы постмодернистской. И в той Европе, которая ищет сохранение своих корней, Россия и западные европейцы, которые стоят на наших позициях, являются одной стороной в этой дилемме. Поэтому здесь нам не надо соперничать и искать, кто первый в истине, а следует объединить усилия для того, чтобы сохранить то, что осталось от великого опыта прошлого.

Великая романо-германская, католическая и славяно-русская православная культуры имеют совершенно единую апостольско-христианскую духовную основу. Гений Гёте описал Фаустовский скепсис, а гений Достоевского выразил вызов Богу русской гордыни. Подлинное единство – не в новых разделительных линиях – они ведь не новы и слишком напоминают конфигурации многовекового «Дранг нах Остен», теснившего славян от Балтийского и Черного морей. Подлинное единство состоит в признании вселенской равноценности наших опытов. И наше будущее, на мой взгляд, в конструктивном соединении исторического наследия и творчества всех этнических, конфессиональных, культурных составляющих Европы: германской, романской, славянской, Европы латинской и Европы православной.

Пусть в этих либертаристских европейских институциях, охваченных почти троцкистской идеей униформного мира, смотрят на нас, консерваторов, с вольтерьянской гримасой. Но над Европой нависла страшная угроза завоевания ее варварами. Европа так уязвима не только потому, что сильно увеличилось количество пришельцев, а потому что они не просто пришельцы, они – представители другой цивилизации. Но там попробуй это скажи. Там же говорят: «Дай всем кусок хлеба и одинаковые права, и все сольются в едином экстазе, не будет разницы». То же самое мы слышали о коммунистическом будущем всего мира в хрущевские времена, однако этого не наступило. А сами европейцы совершенно остыли к вере и к своим корням, а законы, демократические нормы позволяют либо исповедоваться, либо не исповедоваться. Так исповедуют только пришельцы, пользуясь этими законами. Поэтому главная уязвимость Европы именно в ней самой, в этой ее стадии угасания исторического импульса и желания продолжать свою историю, нежелания признать, что лежит в основе этого исторического импульса, а именно нравственное целеполагание – ради чего человек живет. Вспомним античный Рим. Несмотря на технологическое, административное превосходство со своим акведуком, водопроводом, несмотря на свою демократию он пал под ударом Алариха, предводителя вестготов, кото-

рому не был нужен ни водопровод, ни термы, ни демократия. Рим разложился, он утратил различие между грехом и добродетелью.

На поле защиты общехристианского наследия Европы есть потенциал для продвижения и сохранения роли Европы как места, где совершались в течение двух тысяч лет события всемирно-исторического масштаба. Иначе это всё переместится, и это будет остывающий вулкан, прежде рождавший великие смыслы и великие импульсы. Нам, русским, именно на этом поле есть шанс сыграть великую роль. Потому что в области ровных газонов мы никогда Запад не обгоним. А для того чтобы быть великим игроком мировой истории совершенно не нужны в этой области завораживающие цифры валового национального продукта, потому что для этого важно не потерять потребность разделять грех и добродетель, красоту и уродство, истину и ложь, добро и зло. Пока так будет, не будет конца истории.

Библиография

- Нарочницкая, Н., *Россия и русские в мировой истории, Международные отношения*, Москва 2005.
- Карамзин, Н., *Записка о древней и новой России*, Санкт-Петербург 1914.
- Киреевский, И., *В ответ А.С.Хомякову. Избранные статьи*, Москва 1984.
- Бердяев, Н., *Русская идея, основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в.*, Москва 1997.
- Хомяков, А. *Церковь одна. Сочинения. Том 2. Работы по богословию*, Москва 1994.
- Кавелин, К., *Наши умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры*, Москва 1989.
- Тойнби, А., *Византийское наследие России. Цивилизация перед судом истории*, Москва 1996.
- Данилевский, Я., *Россия и Европа*, Санкт-Петербург 1995.
- Ильин, И., *о национальном призвании России. Ответ на книгу Шубарта*. См.: Шубарт В., *Европа и душа Востока*, Москва 1998, с. 371–372.
- Тихомиров, Л., *Религиозно-философские основы истории*. Москва 1997.